

Линь Чэн не привык к тому, чтобы его касались, особенно дважды. Он просто на мгновение застыл, не успев уклониться. К счастью, Ван Цзэвэнь отпустил его руку прежде, чем он успел среагировать, и произнес:

— Не беспокойся о слабости. Завтра утром ты сначала снимешься в сцене боя, а после съемок не отдыхай, сразу приходи ко мне, и я гарантирую, что ты будешь выглядеть по-настоящему изможденным.

Линь Чэн рассеянно кивнул.

После этого Ван Цзэвэнь еще некоторое время говорил с ним, разбирая содержание нескольких следующих сцен, и, видя, что время уже позднее, наконец отпустил его.

Вернувшись в свою комнату, Линь Чэн снова достал свои записи и сценарий, внимательно перечитывая их.

Он не был актером от природы, у него также не было опыта, полученного в специализированных учебных заведениях. Хотя он снимался в телесериалах уже много лет, ему еще не доводилось играть главные роли, да и требования к актерам в телесериалах не столь высоки, поэтому он научился не так уж много. Он однажды прошел систематическое обучение актерскому мастерству, но это все равно не могло сравниться с реальным опытом.

Он не знал, насколько хорошо сможет проявить себя на большом экране. Единственное, что он мог — продолжать стараться.

Он был благодарен Ван Цзэвэню за то, что тот так подробно с ним разбирал сцены. Именно потому, что он знал, как в этой среде люди часто льстят успешным и пренебрегают неудачниками, он особенно ценил такую поддержку.

Линь Чэн закрыл глаза, начав представлять себе сцену съемок, снова и снова прокручивая в голове тот эпизод, погружаясь в него.

Постепенно его сознание начало затуманиваться, но образы в его голове становились все четче.

Он чувствовал, что он и есть Бэй Гу.

Он был одет в черный плащ, стоя посреди зимнего пейзажа, оглядываясь назад, и все вокруг было пронизано холодом и смертью.

Фэн Чунгуан положил руку ему на спину, торопя:

— Пошли!

Линь Чэн начал вспоминать.

Эта сцена происходила на пути Бэй Гу и Фэн Чунгуана на север, когда они столкнулись с отрядом всадников, чьи намерения были неясны.

Бэй Гу был ранен, но настаивал на том, чтобы спасти Фэн Чунгуана. Они с трудом выбрались.

Глубокой зимней ночью, одетый в тонкую одежду, Бэй Гу притворился спящим в горном храме.

Его рана уже не кровоточила, но боль не утихала, а холодный ветер, проникавший через

разбитое окно, заставлял его все тело дрожать.

Он уже не раз сталкивался с лицом смерти в своей жизни и давно привык к этому, поэтому теперь просто спокойно ждал рассвета.

Боль можно перетерпеть, но горечь — нет.

Фэн Чунгуан спал рядом, но посреди ночи проснулся и тихо подошел к нему.

Бэй Гу незаметно сжал рукоять меча на груди, прислушиваясь к его шагам. Он уже готовился нанести удар первым, когда на него накинута пальто, украв его замерзшие и покрасневшие руки и ноги.

Бэй Гу сдержался, не двигаясь, но его бегающие глаза и внезапно напрягшиеся конечности выдавали, что он не спит.

Фэн Чунгуан тихо засмеялся:

— Ты не спишь?

Его смех обладал особой притягательностью, способной расслабить любого.

Бэй Гу промолчал.

Фэн Чунгуан сел обратно и спустя некоторое время сказал:

— На самом деле я хочу увидеть твоё лицо.

Бэй Гу наконец заговорил:

— Это важно?

Фэн Чунгуан ответил:

— Важно. Когда мы встретимся снова, я смогу узнать тебя.

Бэй Гу глубоко вздохнул дважды, но его голос все еще звучал слабо:

— Это важно?

Фэн Чунгуан поднял голову.

— Ты — Бэй Гу, а Бэй Гу — это ты. Среди миллионов людей на свете есть только один Бэй Гу. Может быть, миллионы людей с таким именем, но только один из них — это ты, — произнес Фэн Чунгуан. — Тот, кто прошел со мной через испытания, кто дважды спас мне жизнь, — это только ты. Поэтому для меня важно узнать тебя.

Бэй Гу открыл глаза, но его взгляд был расфокусирован. Он слегка пошевелил рукой, подтянув пальто повыше.

Внутренняя сторона одежды все еще сохраняла тепло Фэн Чунгуана, словно защищая его от пронизывающего холода.

После этого они больше не разговаривали.

Фэн Чунгуан обнял себя руками, дрожа, и сел у костра, слишком замерзший, чтобы уснуть.

Слабый огонь не мог согреть их. Он тревожно подрагивал, словно сам не мог справиться с ночным холодом.

Их тяжелое дыхание сливалось в ночной тишине. Когда Бэй Гу уже начал думать, что он замерзнет насмерть, наконец наступил рассвет. Свет, проникающий через окно, принес с собой легкое тепло.

Фэн Чунгуан вздрогнул, с трудом поднялся и приготовился продолжать путь.

Бэй Гу уже не мог двигаться.

У него началась лихорадка. Накануне он потерял слишком много крови, и теперь его сознание было затуманено.

Фэн Чунгуан позвал его дважды, но Бэй Гу не ответил. После короткого раздумья он взвалил его на спину и понес из храма.

Бэй Гу смутно очнулся, обнаружив себя на спине Фэн Чунгуана. Его руки с напряженными венами сжали плечи Фэн Чунгуана, и он сказал:

— Ты мог бы оставить меня здесь.

Фэн Чунгуан упрямо ответил:

— Нет.

Бэй Гу искренне не понимал:

— Почему?

Фэн Чунгуан просто сказал:

— Пройдя еще немного, мы достигнем места, где я договорился встретиться со своими людьми. Там мы будем в безопасности. Ты сможешь продержаться?

Бэй Гу сжал его плечи еще сильнее.

— Какие у нас отношения? — Бэй Гу прошептал ему на ухо, его голос уже почти не слышен. — Разве ты не слышал моего имени? Не знаешь, кто я?

Фэн Чунгуан напряг застывшие мышцы лица и улыбнулся:

— Мне все равно, кто ты. Ты мой подданный. Пока ты не предашь меня, я не брошу тебя.

В глазах Бэй Гу мелькнул свет.

На этом моменте сцена была нормальной, и Линь Чэн, погружившись в нее, еще мог отвлечься на мысли о том, как он будет играть.

Но потом сон начал становиться странным и причудливым.

Возможно, это было потому, что он был геем, но с тех пор, как он осознал свою ориентацию, он

всегда подавлял ее, а сегодня вечером он слишком долго разговаривал с Ван Цзэвэнем и слишком много думал, поэтому все вылилось в такой результат.

В его сознании мелькали сцены из фильма, переплетаясь с реальностью, пока они не превратились в нечто, вызывающее стыд, с красными и белыми переплетениями.

Голос Ван Цзэвэня был низким и бархатистым, обладая гипнотическим эффектом, и Линь Чэн чуть не поддался, перестав понимать, кто перед ним.

Настоящий Фэн Чунгуан, вероятно, не был бы так мягок, ведь Го Иши, игравший принца, был более жестким. Его тон не был бы так осторожен, и он не говорил бы так, словно давал обещание или утешал. Го Иши произносил бы свои реплики, как декларацию, чтобы подчеркнуть свою мужественность.

Но Линь Чэн невольно поверил.

Возможно, он верил не Фэн Чунгуану, а Ван Цзэвэню.

Он был беспокоен, и это беспокойство в его сне усиливалось в десятки раз, пока сон полностью вышел из-под его контроля.

Когда утром зазвонил будильник, разбудив его, он уже не мог вспомнить подробностей ночного сна. Только сильное, беспокойное чувство осталось в его сердце.

Линь Чэн встал, побежал в ванную и плеснул себе в лицо холодной водой, пытаясь сбить красноту.

Он чувствовал, что это неправильно. Он не мог понять, что именно он чувствовал.

Он был похож на Бэй Гу, не зная, как реагировать на доброту других. Как и сказал Ван Цзэвэнь, он слишком долго был в этой среде, привык к фальшивой заботе и скрытым интригам, и впервые столкнувшись с такой прямой, искренней и открытой заботой, он испытал это странное ощущение.

Он про себя повторил несколько раз, что нужно успокоиться, и снова взял сценарий.

Он не мог влюбиться в кого-то из-за одного сна, даже если чувство потери казалось таким реальным.

Через пару дней все пройдет. Так бывает со многими.

.

Как при чтении сценария, так и при чтении романа, заранее сложившееся мнение легко приводит к отождествлению с персонажем.

Линь Чэн отдохнул день, но так и не пришел в себя.

Он боялся, что это повлияет на его состояние, и тихо пропустил встречу с Ван Цзэвэнем вечером, чтобы обсудить сцены. Ван Цзэвэнь тоже не искал его.

Прошел еще один день, и наступил день его съемок.

Го Иши, закутанный в пальто, стоял в углу и репетировал с Линь Чэном, дублеры пробовали

несколько раз, проверяя свет и положение камеры. Ван Цзэвэнь сидел неподалеку, и на его лице не было ни тени эмоций.

Лицо Линь Чэна было холодным, но холодная погода как раз помогала ему сохранять ясность ума, не думая о лишнем.

Однако, когда он начал играть с Го Иши, он почти не чувствовал реальности, ему даже казалось, что Фэн Чунгуан не должен был выглядеть так. К счастью, Линь Чэн уже слишком много раз представлял эту сцену, и как только он встал на место, все реплики и эмоции были на своих местах, и никто не мог догадаться, что он думал на самом деле.

<http://bllate.org/book/16818/1564666>